

УДК: 111

DOI: 10.15372/PS20250404

EDN: EAGVYO

Г.В. Черкасов**ДЕФЛЯЦИОНИЗМ В МЕТАМЕТАФИЗИКЕ
НЕ ВЕДЕТ К МЕТАФИЗИЧЕСКОМУ АНТИРЕАЛИЗМУ**

Главный фокус статьи сосредоточен на освещении позиции критиков тяжеловесной онтологии – дефляционистов и антиреалистов. Автор показывает, что из этих позиций не следует отрицание метафизики. В начале статьи приводятся примеры из русскоязычной дискуссии, в которых дефляционизм и антиреализм в метаонтологии ассоциируются с отрицанием существования независимой реальности – метафизическим антиреализмом. Эти примеры попадают в общую тенденцию смешения тезисов научного, метафизического и эпистемологического антиреализма, а также антиреализма в отношении отдельных типов сущностей (иногда в список попадают также релятивизм и скептицизм). Далее предлагается терминологическая политика проведения различия между онтологией и метафизикой, а также метаонтологией и метаметафизикой. Утверждается, что эти термины обычно играют координационную роль в дискуссии и не требуют определений. В это же время прояснение координационных терминов помогает продвинуться от споров о словах к содержательным спорам.

Ключевые слова: онтологический антиреализм; дефляционизм; вариативность квантора; метафизический антиреализм; скептицизм в отношении метафизики; релятивизм; метаонтология; метаметафизика

G.V. Cherkasov**DEFLATIONISM IN METAMETAPHYSICS
DOES NOT LEAD TO METAPHYSICAL ANTIREALISM**

The article focuses primarily on outlining the positions of critics of heavy-weight ontology – deflationists and antirealists. The author shows that these positions do not entail the denial of metaphysics. The article begins with examples

from the Russian-language discussion in which deflationism and antirealism in metaontology are associated with the denial of the existence of an independent reality – metaphysical antirealism. These examples fall within the general trend of confusing theses of scientific, metaphysical, and epistemological antirealism, as well as antirealism with respect to specific types of entities (sometimes relativism and skepticism are also included). Next, a terminological policy is proposed for distinguishing between ontology and metaphysics, as well as metaontology and metametaphysics. It is argued that these terms usually play a coordinating role in the discussion and do not require definition. At the same time, clarifying the coordination terms helps advance from debates about words to debates about substantive issues.

Keywords: ontological antirealism; deflationism; quantifier variance; metaphysical antirealism; skepticism about metaphysics; relativism; metaontology; metametaphysics

Цель этой статьи – показать, что дефляционистская метаметафизическая программа (а также карнапианство или онтологический антиреализм) не приводит к утверждению о том, что нет метафизических фактов, или же к сомнению в возможностях метафизики. И тем более не приводит к отрицанию независимого существования и «устойчивости» реальности, т.е. к метафизическому антиреализму. Оптимистические взгляды на познание тоже не являются тем, против чего выдвигается тезис онтологического антиреализма или дефляционизма. Дефляционист и карнапианец в метаонтологии вполне могут считать, что мир и факты в нем существуют каким-то строго одним образом и реальность познаваема. А также, к примеру, что сциентизм и методологический натурализм – это верный путь.

В начале статьи я рассматриваю русскоязычный контекст. Следующие два раздела посвящены прояснению терминологии, которая обычно вызывает путаницу. Я утверждаю (признавая легитимность разных практик употребления этих понятий), что онтология – это о том, что именно есть, а метафизика *кроме этого* касается еще и того, *как вещи есть*, включая проблемы вроде природы времени и истины. Предмет метаонтологии – это изучение квантификации и онтологических обязательств, постановка онтологического вопроса и исследование того, есть ли определенные и однозначные ответы на онтологические вопросы. Метаметафизика *кроме этого* исследует задачи и инструментарий метафизики. Последний раздел статьи по-

священ раскрытию позиций онтологического дефляционизма и антиреализма. В этом разделе обосновывается отсутствие следования между дефляционизмом и легковесной онтологией, с одной стороны, и метафизическим антиреализмом и скептицизмом – с другой.

В итоге достаточно существенно отличать дефляционистскую и антиреалистическую программы в метаметафизике (или метаонтологии) от метафизического антиреализма и других тезисов. Кванторные вариантисты убеждены, что онтологические вопросы вроде вопросов о том, существуют ли стулья и числа, могут иметь разные ответы, которые тривиально следуют из того, как мы определяем домен и область значений квантора существования. Поэтому споры на эти темы являются вербальными. Майнонгианцы считают, что существовать можно по-разному. Антиреалисты могут полагать, что нет предпочтительного способа для описания метафизических фактов; но это не отрицает того, что метафизические факты в целом есть. Позиции онтологического дефляционизма и антиреализма в этом смысле не касаются вопросов метафизического и эпистемологического антиреализма, глобального эпистемологического скептицизма, убеждения в существовании и независимости внешнего мира и возможности знания о нем, реализма vs идеализма.

Ошибки и пробелы

В современной терминологии, как правило, метафизический реализм означает утверждение о *существовании* независимой реальности (от сознания, восприятия, людей и подобных агентов), а эпистемологический реализм – утверждение о *возможности знания* о независимой реальности (от сознания, восприятия, людей и подобных агентов). В следующей цитате решение зачем-то назвать метафизический реализм, т.е. тезис о существовании независимого внешнего мира, «онтологическим реализмом» – это просто терминологическое решение. «Метафизический реализм разнообразен в своих проявлениях, но основной его разновидностью является онтологический реализм, то есть вера в реальность мира» [2, с. 7].

Я не намереваюсь осуществлять терминологическую диктатуру, поскольку считаю, что подобные понятия играют координационную роль и при достаточном прояснении проблем не возникает. Тем не

менее полезно рассмотреть, почему в русскоязычном контексте наибольшую популярность имеют вопросы об объективности науки и существовании или возможности познания независимой реальности (от языка, сознания, понятий, описаний). Объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что в русскоязычном пространстве (или постсоветском, если это корректный термин) достаточно большое количество философов относят свою работу к философии науки и эпистемологии (эти области представляют достаточно сильную традицию). В связи с этим часто рассматриваются разные формы *научного* реализма и эпистемологические следствия из них, а также вопрос о существовании независимой реальности и возможности ее познания. В это же время (по крайней мере, насколько мне известно) более специализированная онтологическая и метафизическая проблематика воспринимается как дополнение к дискуссии о науке, знании и реальности в целом.

Существенные проблемы возникают, когда авторы ссылаются на метаонтологическую дискуссию. Например, Р. Вергауен и Е.Н. Ищенко [1, с. 39–40] ссылаются на учебники по метаонтологии и рассуждают о различии у Р. Карнапа между внутренними и внешними вопросами. Они пытаются провести разницу между антиреализмом в отношении *определенных сущностей* и антиреализмом в отношении *вопроса* об этих сущностях. Первый из них они называют «онтологическим антиреализмом», а второй – «онтологическим релятивизмом». Но далее авторы отказываются от своего же собственного различения и смешивают тезисы, добавляя к ним еще и метафизический антиреализм. Они пишут следующее: «Таким образом, онтологический реализм сводится к тезису о том, что существует мир, независимый от мысли и языка» [1, с. 40]. Следуя этой логике и используя их определения, математический номинализм, или отрицание осмысленности/важности вопроса о существовании чисел, означает отрицание существования независимого мира (а математические номиналисты и дефляционисты в отношении вопроса о существовании чисел явно хотят сказать не это).

То есть под онтологическим реализмом Р. Вергауен и Е.Н. Ищенко понимают метафизический реализм – тезис о независимом существовании внешнего мира. Также за этим следует еще одна мысль: «Мы хотели бы специально подчеркнуть, что онтологический ре-

лизм, как правило, предполагает эпистемологический реализм» [1, с. 40]. Тогда авторы подразумевают, что *обычно*, если вы убеждены в существовании независимого внешнего мира, то вы убеждены также в том, что наши познавательные способности хорошо справляются с задачей познания этого мира. Вероятно, что многие философы и обычные люди часто совмещают метафизический реализм с эпистемологическим. Но ясно, что это совсем не всегда так.

Еще бóльшие ошибки появляются в работах В. Серковой [6] и В. Серковой и В. Лобастовой [7]. В этих работах в том числе обсуждаются статья Д. Чалмерса «Онтологический антиреализм» [9]¹ и метаонтологическая дискуссия. Однако в этой статье понимание метаметафизической проблематики тонет в преобладающем в русскоязычной философии представлении о научном антиреализме. Главная проблема такого мышления – это смешение разных тезисов, прежде всего научного, эпистемологического и метафизического антиреализма. В некоторых случаях это смешивается и с антиреализмом в отношении определенных видов сущностей (математических объектов, универсалий, мереологических сумм). Проблема оснований онтологии – метаонтологическая или метаметафизическая проблематика – в такой ситуации воспринимается с большими искажениями. В итоге авторы [6; 7] в целом плохо понимают, о чем эта дискуссия, рассматривая ее в контексте метафизического и эпистемологического антиреализма, а также научного реализма, обсуждение которого так популярно в русскоязычной философии. Эти тезисы гораздо сильнее, чем тезис дефляционизма в метаметафизической дискуссии, и, видимо, поэтому авторы поднимают дискуссию до высокого уровня.

В работе В. Серковой и В. Лобастовой [7, с. 672] «lightweight realism» корректно переводится как «легковесный». Но уже на следующей странице легковесный реализм превращается в «упрощенный», как и в [5, с. 222]. В этих местах приводится предлагаемая Чалмерсом классификация разных позиций в метаонтологии. Эта классификация – излюбленный прием Чалмерса по представлению всего концептуального пространства возможных позиций, из которых

¹ Сборник со статьей Чалмерса вышел в 2009 г., но авторы как в статье в журнале «Horizon», так и в статье в «Эпистемологии и философии науки» приписывают ему 2007 г. выхода.

самому Чалмерсу на самом деле нужны только три – полновесный реализм, легковесный реализм (дефляционизм) и антиреализм, их он и разбирает на протяжении всей статьи.

В. Серкова и В. Лобастова [7, с. 673] верно приводят цитату Чалмерса о том, что легковесный реализм (дефляционизм) ближе к антиреализму. Но они явно не понимают, почему это так и что это за позиция. Здесь следует отметить некоторое неудобство классификации самого Чалмерса, ведь многие авторы объединяют дефляционистов и антиреалистов в одну группу – группу тех, кто отрицает неограниченную квантификацию и соглашается с тезисом кванторной вариативности. И поскольку в словосочетании «легковесный реализм» присутствует слово «реализм», может создаваться впечатление, что эта позиция реалистическая *par excellence*. Как пример «реалистов» В. Серкова и В. Лобастова [7, с. 672] называют Элая Хирша, Эми Томассон (которая у них стала мужчиной), Боба Хейла и Криспина Райта. Хотя эти авторы как раз являются дефляционистами – легковесными реалистами, позиция которых, как уже было сказано, скорее ближе к антиреализму в терминах Чалмерса. Как пример «реалистов» стоило назвать настоящих, полновесных реалистов: Кита Файна и Теда Сайдера.

Наконец, еще одна проблема русскоязычной дискуссии касается того, как обычно рассматриваются Куайн, Карнап и Патнэм. В современной англоязычной метаметафизической дискуссии Куайн является главным пропонентом реалистской онтологии, а Карнап и Патнэм – антиреалистической, или дефляционистской, программы. Конечно, стоит отметить определенную условность и догматичность этой классификации, но она имеет большие основания. Главным упущением русскоязычных авторов является излишне исторический подход для теоретических целей. Как англоязычная, так и русскоязычная дискуссия имеет свой догматизм, который искажает представление об определенных тезисах. В русскоязычной наиболее популярны тезисы Куайна – это тезисы онтологической относительности, неопределенности перевода и неопределенности референции.

Обсуждая онтологические обязательства, В. Серкова и В. Лобастова [7, с. 675] утверждают, что куайновское «понимание онтологии едва ли можно назвать реалистическим». Но в этом высказывании они опять же смешивают метафизический и эпистемологический анти-

реализм с антиреалистической программой в отношении онтологии. Они опираются на высказывание Куайна из «Двух догм» о том, что физика с эпистемологической стороны настолько же мифична, насколько мифичны гомеровские боги [18, р. 41]. Тем не менее авторы упускают, что как в этом месте, так и в конце статьи [17] Куайн делает особый акцент на том, что это *эпистемологические* сомнения. Куайн все же считает, что между физикалистской и феномениалистской концептуальными схемами *онтологический* приоритет остается за физическим описанием мира. «Онтологический приоритет» означает, что физика является более хорошим критерием для определения того, что существует. Хотя вопрос того, как мы познаем реальность, если мир физичен, является более сложным, чем вопрос того, как мы познаем реальность, если мир феноменален, т.е. состоит из ощущений и восприятий. Это отличает Куайна от Карнапа. Последний считает, что то, что существует, может быть одинаково хорошо описано как с помощью физикалистской, так и с помощью феномениалистской позиции.

Но еще больше В. Серкова и В. Лобастова опираются на то, что, согласно Куайну, онтология – открытый проект, она должна пользоваться прагматическими критериями и должна следовать экспериментальному духу науки. «Экспериментальный дух» означает, что мы должны следовать методологическому натурализму, лучшие научные теории, прежде всего физика, диктуют нам, что онтологически фундаментально. Для понимания того, относить ли Куайна к онтологическому реализму, полезно задаться вопросом, считает ли он, что есть *предпочтительный* способ говорить о том, что что-то существует, а что-то нет. При ответе на этот вопрос станет ясно, что Куайн придерживается тяжеловесных взглядов: есть предпочтительный способ записи, способ говорить о том, что есть (тяжелая идеология), и есть предпочтительное значение квантора существования, которое определяет область того, что существует (тяжелая онтология).

Терминология 1: онтология или метафизика?

Наиболее частая конвенция – считать, что онтология является субдисциплиной метафизики. Онтология касается базового уровня реальности (вопроса о том, что существует). Метафизика касается

более разнообразных аспектов описания реальности (задается вопросами о природе, свойствах и отношениях этих существующих вещей)². Классические примеры онтологических вопросов – существуют ли числа и мереологические суммы. К не-онтологическим метафизическим проблемам часто относят модальность (необходимость и возможность), свободу воли, сущность, тождество личности, причинность, природу времени, истину, внешний мир. Тем не менее в большом количестве контекстов различие метафизики и онтологии не имеет значения. Решение вопроса о том, существуют ли F's, – это, конечно, онтология F's; но также в онтологию F's вполне может входить и выяснение вопросов о том, в каких отношениях находятся F's, каковы их природа и свойства. Также нет причин *не* воспринимать вопрос о существовании F's как вопрос метафизики.

Термины «онтология» и «метафизика», как и их производные – «метаонтология» и «метаметафизика», в большинстве контекстов играют *координационную роль*. Слова вроде «реальность», «убеждение», «субъект», «агент» в философских дискуссиях обычно играют координационную роль до тех пор, пока философ особым образом не делает их предметом спора. В большинстве случаев координационные понятия не требуют уточнения, анализа и определения. Они употребляются как простые конвенциональные термины, которые яв-

² Например, в предисловии к русскому изданию учебника по метафизике М. Дж. Лакс пишет (с некоторым аристотелевским оттенком): «Согласно традиционным представлениям, метафизика – это раздел философии, стремящийся ответить на вопрос, каковы основные виды существующих вещей и каковы отношения между принадлежащими к этим видам вещами – как они структурированы или организованы» [4, с. 10].

Тем не менее это определение также может подходить и для онтологии. Сравните со следующим определением онтологии Т. Хофвебера, особенно с (O₃): «(O₁) исследование онтологического обязательства, т.е. к чему мы или другие обязаны; (O₂) исследование того, что есть; (O₃) исследование наиболее общих черт того, что есть, и того, как существующие вещи соотносятся друг с другом в метафизических наиболее общих смыслах; (O₄) исследование метаонтологии, т.е. выяснение того, какую задачу должна ставить перед собой онтология как дисциплина, если вообще хоть какую-то, как следует понимать вопрос, на который она стремится ответить, и с помощью какой методологии на подобные вопросы можно отвечать».

ляются общей нейтральной почвой в дискуссии. Сегодня «онтология» и «метафизика» в некоторых случаях употребляются синонимично, в других – интуитивно или идиосинкратически, т.е. без определения, поэтому эти понятия часто являются координационными.

Однако свобода в употреблении этих терминов – не только современная тенденция, с самого начала соседство двух этих слов несет в себе греховную неясность. Пока что самое раннее появление термина «онтология» находят в сочинении Якоба Лорхарда 1606 г., и там он употребляется синонимично с термином «метафизика» («*Metaphysices, seu Ontologia*») [3]. Это открытие сделано совсем недавно, а до этого звание первого философа, употребившего термин «онтология», присуждалось Рудольфу Гокелю (Гоклениусу) (1613 г.). Закрепляется употребление этого слова у Вольфа (1730 г.) и в послевольфовской спекулятивной философии. Слово «метафизика», как известно, имеет техническое происхождение. Издатель Аристотеля Андроник из Родоса (I в. до н.э.) поместил 14 книг, которые мы сейчас называем «Метафизикой», после органа и физики и до практической философии. Гипотеза, что это слово может указывать в том числе на порядок изучения дисциплин, сегодня признается маловероятной. В одних книгах Аристотель называл определяемую науку первой философией (πρώτη φιλοσοφία), изучающей первые причины и начала (в отличие от «второй философии» – физики), в других (Met Λ) – теологией (θεολογική), рассуждающей о «неподвижном двигателе», в третьих – мудростью (σοφία), т.е. знанием ради знания, а не для практики. Более широкое распространение термин обретает в Средние века, когда также проводится различие между *metaphysica generalis* – собственно онтологией, или изучением аристотелевского «сущего как сущего», и *metaphysica specialis*, предмет которой – Бог (теология), мир (космология) и душа (рациональная психология).

Проблема в том, что различие (онтология – про то, что есть, а метафизика – про то, какова реальность в более широком смысле) стирается, когда мы переходим от пары «онтология – метафизика» к тройке «метафизика – эпистемология – семантика». Иногда принято считать, что ставить в этой тройке слово «онтология» – это своего

рода незначительная категориальная ошибка³. Но, кажется, многие сбиваются и уже через несколько предложений после обсуждения семантики и эпистемологии могут выбирать слово «онтология». Ведь онтология и метафизика в равной степени отдалены от эпистемологии и семантики, поскольку в них ставятся вопросы не о знании и языке, а о существующем, или о реальности в целом.

Онтологические вопросы – в зависимости от того, какую мета-онтологическую программу мы выбираем, – это вопросы:

- (МО1) о бытии как таковом (аристотелевском «сущем как сущем»);
- (МО2) о том, что есть (куайнианском перечне того, что существует);
- (МО3) что входит в класс фундаментального [10];
- (МО4) какова структура реальности [22];
- (МО5) что фундирует что [19];
- (МО6) что реально [11; 12].

Принятие (как часто говорят) самой популярной сегодня программы (МО2) означает, что нужно составить список существующего, точнее, список типов существующего. Обычно такие онтологи заняты спорами относительно того, попадают ли в перечень существующего обыденные объекты (стулья), мереологические суммы (горы), естественные виды (H_2O), законы природы, числа, универсалии, фикции (единороги), значения, пропозиции, Бог, личности, государство, сознание, раса, гендер, моральные факты, возможные миры, произведения искусства и артефакты. Это проект тяжеловесной онтологии. Следуя за Китом Файном [11], можно провести различие между критической онтологией и наивной онтологией (правда, Файн говорит о критической и наивной метафизике). На первом, критическом, этапе мы определяем, существуют ли F 's (1.1). На втором, наивном, этапе мы определяем, что характерно и свойственно для F 's (1.2)–(1.4).

- (1.1) существуют ли F 's;
- (1.2) как именно существуют F 's;

³ От англоязычных философов я не раз слышал удивление по поводу русского кафедрального и дисциплинарного сопоставления онтологии и теории познания. См., например, у М. Маккивера (URL: <https://mittmattmutt.medium.com/what-do-russian-philosophers-think-results-from-a-philpapers-type-survey-bbd2cea2631a>).

(1.3) в каких отношениях они находятся сами к себе и к другим существующим вещам G's;

(1.4) какие свойства у них есть.

Например, на онтологический вопрос относительно математических объектов платонисты могут дать такой ответ:

(2.1) множества, числа и функции существуют;

(2.2) они существуют как абстрактные объекты, т.е. каузально неэффективные сущности, которые не находятся в пространстве-времени;

(2.3) физические объекты (G's) подчиняются независимо существующим математическим объектам (F's);

(2.4) математические объекты являются референтами логически истинных пропозиций (пропозиций, истинных во всех возможных мирах).

Или на вопрос о мереологических суммах холист может дать такой ответ:

(3.1) целые, мереологические суммы существуют;

(3.2) целые существуют как фундаментальные сущности;

(3.3) части (G's) находится в отношении метафизической зависимости от целого (F's). Целое метафизически предшествует, конституирует и обуславливает существование и свойства своих частей;

(3.4) фундаментальные свойства целого (структура, форма, функциональная роль) нередуцируемы к свойствам частей.

Этот ответ оперирует понятием фундаментальности и метафизической зависимости, поэтому предполагает обращение к метаонтологическим программам (МО3) и (МО5).

Терминология 2:

вопрос метаонтологии и онтологические вопросы

В метаонтологической и метаметафизической дискуссии речь идет о том, как мы должны относиться к онтологическому вопросу, квантификации, онтологическим обязательствам и континуальности науки и метафизики. Метаметаонтология фокусируется на специфике экзистенциальных утверждений, утверждений о существовании чи-

сел, моральных фактов, составных объектов, обыденных объектов, возможных миров, организмов, частиц, сознаний, личностей, свободы, справедливости и т.д. Что означают утверждения онтологов или метафизиков о том, что какие-то из этих объектов реальны, а другие – нет? В чем специфика споров по поводу существования или несуществования таких объектов? Можем ли мы выносить ультимативные утверждения о существовании определенных объектов на основании того, что обращение к таким объектам выполняет *объяснительную роль* в описании причинных явлений, как это делает наука?

Одна из последних статей в Стэнфордской энциклопедии «Realism and Anti-Realism about Metaphysics» [8] посвящена метаметафизической дискуссии⁴. Для обозначения позиций в этой дискуссии М. Балагер говорит о реализме и антиреализме «по поводу метафизики» (или «в отношении метафизики»). При этом он предлагает различать «реализм в метафизике» и «реализм в отношении метафизики». Реализм в отношении метафизики является реализмом по поводу постановки *метафизического вопроса* и подразумевает несогласие с дефляционистами или антиреалистами, считающими, что данный вопрос не имеет однозначного ответа. Реализм в метафизике является первопорядковой позицией. Балагер приводит следующий пример. Есть определенный метафизический вопрос.

Вопрос о составных объектах: существуют ли объекты, обладающие собственными частями (вроде стульев, деревьев и гор)?

Один философ может быть реалистом в отношении *вопроса* о составных объектах, т.е. считать, что это важный онтологический вопрос, спор по поводу которого имеет смысл, поскольку где-то есть на него ответ. В это же время этот философ может быть мереологи-

⁴ Ср. со статьей «Challenges to Metaphysical Realism» [15], первая версия которой вышла в 2001 г. Эта статья посвящена уже тому, что я называю «метафизическим антиреализмом». И только в последнем разделе «5. Realism and Anti-Realism in Meta-Ontology» кратко рассматриваются более современная метаонтологическая проблематика, вопросы о природе онтологических споров и позиции дефляционистов (кванторный вариантизм Э. Хирша). Примечательно, что статья перекладывалась несколько раз, а этот метаонтологический раздел был добавлен только в последней редакции в 2021 г. Причем изначально статья имела иное название и содержание: «Semantic Challenges to Realism».

ческим нигилистом, т.е. антиреалистом в отношении *составных объектов*, поскольку считает, что не существует мереологических сумм. И наоборот, другой философ может быть антиреалистом в отношении *вопроса* о составных объектах, считая, что этот вопрос тривиален, не-фактуален или является лишь вербальным. Но в это же время второй философ считает, что стулья и горы существуют, их существование следует из семантики (тривиально), поэтому этот философ является реалистом в отношении *составных объектов*.

Различие «метаметафизики» и «метаонтологии» еще более туманно, чем различие метафизики и онтологии. Пока что самую ясную попытку различить эти две области представил финский философ Т. Тахко, ученик Э.Дж. Лоу, редактор серии «Кембриджских элементов» по метафизике и автор книги «Введение в метаметафизику» [23]. Тахко замечает [23, р. 3–6], что термин метаонтология систематически используется начиная со статьи П. ван Инвагена [14]. Это использование имеет куайнианский оттенок и предполагает обсуждение квантификации и онтологических обязательств. За *метаметафизикой* Тахко предлагает закреплять более широкое значение – исследование природы и методов метафизики. Тогда *метаонтология* – это исследование природы и методов онтологии. Не стоит полагать, что такое формальное различие мало о чем говорит, ведь оно в итоге отправляет нас к первичному неясному разделению метафизики и онтологии.

Теперь представим более содержательную попытку прояснить терминологическую политику Тахко в отношении этого различия. В рамках *метаонтологии* обсуждаются трудности постановки онтологического вопроса как такового с акцентом на обсуждение квантификации и онтологических обязательств. Если упростить, то речь идет о противостоянии Куайн – Карнап, т.е. о том, являются ли онтологические дискуссии важными или это споры о словах. *Метаметафизика* включает метаонтологию, но кроме того в рамках метаметафизики обсуждаются методология метафизики и ее инструментарий, например фундирование и натурализованная метафизика, как в работе [21]. Самый влиятельный сборник на эту тему называется «Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology» [16]. Тахко считает, что это вызывает путаницу. Поскольку сборник сконцентрирован на постановке онтологического вопроса и обсуждении

квантификации, следуя логике Такко, его стоило бы переименовать: «Metaontology: New Essays on the Foundations of Metaphysics».

Но, насколько я понимаю, имплицитная логика названия этого сборника отличается от терминологической политики Такко. Здесь подразумевается, что использование слова «метаонтология» в первую очередь говорит об оптимистичных взглядах на онтологию и попытке построить содержательную онтологию: выбрать один из вопросов (МО1)–(МО6). То есть те, кто занимается метаонтологией, – это реалисты в отношении онтологии, считающие, что вопросы «существуют ли числа» и «существуют ли мереологические суммы» имеют определенный однозначный ответ. А если вы считаете, что споры относительно этих вопросов – это вербальные разногласия, поскольку нет одного предпочитаемого значения квантора, вы являетесь сторонником дефляционистской метаметафизической программы. *Метаонтологическая программа* – это политика в отношении того, как ставить правильный онтологический вопрос. *Метаметафизическая программа* – это политика в отношении того, может ли быть единственный правильный онтологический вопрос, на который можно получить определенный правильный ответ.

О чем на самом деле тезис онтологического дефляционизма?

В этом разделе я приведу несколько высказываний участников метаметафизической дискуссии. Они будут играть роль подтверждения того, что дефляционистскую программу (в других терминах – онтологический антиреализм) следует отличать от метафизического антиреализма или скептицизма в отношении метафизики.

Большинство дефляционистов в отношении онтологии (Э. Хирш, Э. Томассон, Б. Хейл и К. Райт, Д. Чалмерс) остаются чрезвычайно благосклонными к метафизике в целом и точно не хотят отрицать существование независимой реальности. Вот что пишет Чалмерс ближе к концу своей программной статьи «Онтологический антиреализм»: «Мы не отказываемся от метафизики в целом. Даже если считать, что утверждения о существовании чисел или мереологических сумм являются неопределенными и поэтому их можно отбросить, все равно нам придется столкнуться с трудными метафи-

зическими вопросами. Вопрос об онтологическом реализме следует отличать от более общего вопроса о метафизическом реализме: если первый фокусируется на существовании объектов, то второй – на природе реальности. Ничто из того, что я высказал, не предполагает глобального скептицизма в отношении метафизики» [9, p. 120].

Все, что отрицает Чалмерс, – это возможность однозначно говорить о том, что́ есть, и возможность решать онтологические споры вроде споров о существовании чисел и споров о составных объектах (мереологических суммах). Понимание, почему это не приводит к отрицанию метафизики, метафизических фактов или к отрицанию независимого существования реальности (и объектов в ней), требует некоторой сноровки. Вероятно, мы можем говорить о реальности, просто в иных терминах, чем абсолютная и неограниченная квантификация. Для сторонников (МОЗ), к которым относится Чалмерс, разговор о реальности может быть лучше представлен в терминах фундаментальности. Также в любом случае признание истинности объективных фактов о реальности под сомнение не ставится (как и то, что мы можем познавать эти факты о реальности). Просто признается, что факты о *существовании*, онтологические факты, не являются фактами о реальности.

Вот как Чалмерс ответил на наши вопросы об этой проблеме: «Я не являюсь полноценным метафизическим антиреалистом. Я думаю, что некоторые утверждения о фундаментальном обладают истинностным значением и описывают части реальности. Когда я говорю об онтологическом антиреализме, я имею в виду вопрос вроде: существуют ли чашки как онтологические объекты? существует ли соединение двух чашек как объект? существуют ли числа? Я просто несколько скептически отношусь к тому, что эти вопросы относятся к каким-то фактам (fact of the matter). И в своей статье об онтологическом антиреализме я утверждаю, что не существует абсолютного понятия существования, которое помогло бы работать с этими вопросами» [5].

Следует отметить, что онтологический антиреализм Чалмерса имеет ограничения. Чалмерс называет себя антиреалистом в мета-онтологии и считает большинство вопросов о существовании определенных типов сущности бессмысленными (числа, моральные факты, мереологические суммы). В это же время он признает реальный ста-

тус феноменального (квалиа-реализм) и фундаментальность феноменального и физического.

Т. Сайдер – главный проponent реалистической метаонтологической программы (МО4). В соответствии с этой, структурной, программой оптимистичная задача онтологии заключается в том, чтобы выразить структуру мира, учитывая, что есть неограниченная квантификация [22]. Сайдер так высказывается о своих критиках – дефляционистах и сторонниках кванторного вариантизма, прежде всего об Э. Хирше, отличая их от метафизических скептиков: «Кто-то может подумать, что это ведет к онтологическому скептицизму, отчаянию в познании истины об онтологии. Но обычно упомянутые критики говорят не это. ...Эти критики (я буду называть их “онтологическими дефляционистами”) говорят... что с онтологическими вопросами самими по себе что-то не так. ...Когда некоторые частицы организованы столообразно, они говорят, что нет никакого “существенного” (substantive) вопроса о том, существует ли также стол, состоящий из этих частиц. Есть просто разные – и одинаково хорошие – способы выражаться» [20, p. 385–386].

Наконец, сам Э. Хирш пишет следующее: «Кванторный вариантизм не выносит утверждений о том, каков мир, и даже о том, каков мир “на самом деле”, “сам по себе”. Он утверждает, что каким бы ни был мир, не может быть единственно лучшего онтологического языка для его описания. В этом утверждении не следует видеть даже намек на антиреалистическую точку зрения, согласно которой то, что существует в мире, каким-то образом зависит от языка» [13, p. xiii–xiv].

Можно так восстановить рассуждение о том, что дефляционизм в метаонтологии ведет к метафизическому антиреализму:

(DM) Если нет предпочитаемого значения квантора существования (споры онтологов не являются существенными), то нет метафизических фактов (независимая от познания или языка реальность не существует).

Представлю несколько позиций, которые соответствуют антецеденту (DM), но из которых не следует его консеквент. (Не нужно соглашаться ни с одной из этих дефляционистских и антиреалистических позиций, просто важно понять, что они интеллигибельны,

разумны или возможны и из них при этом не следует метафизический антиреализм.)

Кванторный вариантизм. Мы говорим о существовании в разных контекстах, используя разные лингвистические функции, которые одинаково хорошо передают смысл выражения «существует...». В обыденном языке мы можем говорить «есть только три стакана», «Дед Мороз существует», «для любого натурального числа n есть число $n+1$ », «у тебя есть три пути», «есть город Йошкар-Ола», «есть комплект фотоаппарата с двумя сменными объективами». Делая эти утверждения, мы не вкладываем в них тяжеловесный смысл, даже если говорим серьезно и не выражаемся фигурально или фикционально. То есть мы не хотим сказать, что стоит принимать онтологические обязательства перед числами и комплектами фотоаппаратов. Тем не менее наш тезис ничего не говорит о том, что фотоаппараты, стаканы, стулья, числа и реальность, состоящая из них, не существуют. Если что-то есть, то наш тезис говорит о том, что мы можем по-разному выражаться об объективной реальности и бессмысленно искать предпочитаемый способ говорить о ней.

Эквивалентность утверждений о существовании (тривиализм и лишь-вербализм). Мы используем разные способы выражения, но они одинаково хорошо передают факты. Как только мы разберемся, что означают наши фразы, мы поймем, что наши утверждения тождественно истинны. Задача метафизиков понять, что спор о том, есть ли стул или только стулообразно организованные частицы, – это спор о словах. Он подобен тому, как два человека спорят, является ли «футбольный мяч» круглым с черными и белыми пятиугольниками или вытянутым и коричневым. Ясно, что можно разрешить этот спор: то, что в твоём языке означает «футбольный мяч», я называю «мяч для американского футбола». Также можно решить вопрос и о мереологических суммах. То, что в твоём языке называется «стулообразно организованными частицами», я называю «стулом». Такая дефляционистская стратегия действительно признает спор о мереологических суммах бессмысленным. Но этот тезис опять же не говорит о том, что существование мереологических сумм зависит от познания или языка. Мое познание и мой язык могут не отличаться от твоего, они одинаково хорошо отражают реальность (хотя мы и выражаемся по-разному). Просто наш спор о том, реальны ли стулообразные части

или стулья, вербален. Твое утверждение «реальны стулообразные частицы» совпадает с моим выражением «стулья реальны», ведь я определяю стулообразные частицы как стулья.

Майнонгианство. «Существовать» можно в разных смыслах. Числа не являются конкретными объектами, в отличие от стульев, но числа есть и обладают большей реальностью, чем круглые квадраты, ведь последние противоречивы. Шерлок Холмс и Дед Мороз тоже есть, ведь о них можно вынести истинные утверждения с предикатами «живет на Бейкер-стрит, 221В», «есть борода», т.е. у этих объектов есть эти свойства. Отрицая, что существовать можно только в одном смысле, мы не отрицаем, что нечто независимо и объективно существует.

Результаты

Я предлагаю следующее терминологическое решение. Оно не является жестким требованием, скорее – прояснением и приглашением к последующему обсуждению. Это решение является координационным для цели продвижения к более содержательной дискуссии и разрешения споров о словах.

Метафизический антиреализм – убеждение в том, что не существуют независимая реальность (от сознания, восприятия, людей и подобных агентов) или метафизические факты. Также: метафизический скептицизм, внешний мир, релятивизм.

Эпистемологический антиреализм – утверждение о принципиальной невозможности объективного знания о независимой реальности и знания об объектах в ней. Скептицизм?

Антиреализм в отношении определенных сущностей (или, по Балагеру, реализм в метафизике) – тезис о том, что некоторые объекты не относятся к классу реального, не существуют. Часто этот тезис выдвигается о числах (разные виды математического номинализма), абстрактных объектах, универсалиях, мереологических суммах (мереологический нигилизм), моральных фактах (разные виды морального антиреализма), квалиа, натуральных видах, возможных мирах.

Дефляционизм и антиреализм в метаонтологии – тезис о том, что онтологические споры не являются существенными. (Также: онтологический антиреализм, карнапианство, метаонтологический антиреа-

лизм, антиреализм по поводу или в отношении метафизики, антиреализм в отношении тех или иных онтологических вопросов и т.д.). Эта условная позиция объединяет разные взгляды с разным обоснованием. Все они противопоставляются тяжеловесной онтологии – убеждению в том, что есть онтологические обязательства и существует определенный, объективный и однозначный ответ на вопрос «что есть?» в виде наличия предпочитаемого значения неограниченного квантора существования (Куайн, ван Инваген), а также оператора реальности (Файн [11]), естественного значения квантора и фундаментальной структуры (Сайдер). Популярные обоснования дефляционизма и легковесной онтологии, позиции, в соответствии с которой утверждения о существовании тривиальны, – это тезис кванторной вариативности, лишь-вербализм и тривиализм (Э. Хирш, Э. Томассон, Б. Хейл и К. Райт, а также нейтрализм Дж. Аззуни, максимализм М. Эклунда). Д. Чалмерс выделяет отдельно антиреализм, хотя утверждает, что разница между дефляционизмом и антиреализмом чисто семантическая. Но представителей позиции, которую Чалмерс называет антиреализмом, – Х. Патнэма, А. Сиделя, С. Ябло можно вполне объединять с дефляционистами. Также к обоснованию от эквивокальности существования в майнонгианском духе обращаются, например, Т. Парсонс и К. Макдэниэл.

Таким образом, есть большое разнообразие позиций в метаонтологии и метаметафизике, которые противостоят онтологическому реализму, куайннианству, тяжеловесной онтологии. Объединять ли эти позиции и называть ли одним именем – антиреализмом (или дефляционизмом, или скептицизмом), – вопрос того, кто проводит эти различия. Но в подавляющем большинстве случаев эти тезисы говорят лишь о том, насколько существенны споры между онтологами, какой смысл мы вкладываем в предикат «существует» или есть ли у квантора существования одно предпочитаемое значение, в итоге – сообщают ли онтологические утверждения какую-то важную и фундаментальную информацию о природе реальности. Сама природа реальности, ее объективность, фактичность, независимость от познания и языка, существование внешнего мира и объектов в нем, возможность познания реальности *именно этими тезисами* под сомнение не ставятся.

Литература

1. *Вергаувен Р., Ищенко Е.Н.* Проблема квалиа: онтологические и эпистемологические следствия // Вестник Воронежского университета. Сер.: Философия. 2018. № 4. С. 38–49.
2. *Голик Н.М.* Проблема реальности научного знания в рамках дискуссии реализм/антиреализм: виды научного реализма // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 3.
3. *Круглов А.Н.* Возможна ли фундаментальная онтология? // Историко-философский ежегодник 2000. М.: Аквилон, 2000. Т. 35. С. 211–230.
4. *Лакс М.Дж., Крип Т.* Метафизика: Современное введение. М.: ИД ВШЭ, 2024.
5. *Логинов Е.В.* Скептицизм, Мур, возможные миры: Интервью с Дэвидом Чалмерсом // Финиковый Компот. 2025. (В печати).
6. *Серкова В.А.* Проблематика реальности в философии науки Т. Куна // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 4. С. 221–236.
7. *Серкова В., Лобастова В.* Проблематика реальности в современных антиреалистических философских теориях (критический обзор) // Horizon. Феноменологические исследования. 2022. № 11 (2). С. 666–688.
8. *Balaguer M.* Realism and anti-realism about metaphysics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2025 edition) / Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/entries/realism-about-metaphysics/>.
9. *Chalmers D.J.* Ontological anti-realism // Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology / Ed. by R. Wasserman, D. Manley, D. Chalmers. Oxford, England: Oxford University Press, 2009.
10. *Constructing the World* / Ed. by D. Chalmers. Oxford: Oxford University Press, 2012.
11. *Fine K.* The question of ontology // Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology / Ed. by R. Wasserman, D. Manley, D. Chalmers. Oxford, England: Oxford University Press, 2009. P. 157–177.
12. *Fine K.* The question of realism // Philosophers' Imprint. 2001. No. 1. P. 1–30.
13. *Hirsch E.* Quantifier Variance and Realism: Essays in Metaontology. N.Y., US: Oxford University Press, 2010.
14. *Inwagen P., van.* Meta-ontology // Erkenntnis, 1998. Vol. 48 (2-3). P. 233–250.
15. *Khlemtsov D.* Challenges to metaphysical realism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2021 edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/realism-sem-challenge/>.
16. *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology* / Ed. by R. Wasserman, D. Manley and D. Chalmers. Oxford, England: Oxford University Press, 2009.
17. *Quine W.V.* On what there is // The Review of Metaphysics. 1948. Vol. 2, No. 5. P. 21–38.
18. *Quine W.V.O.* Two dogmas of empiricism // Philosophical Review. 1951. Vol. 60 (1). P. 20–43.
19. *Schaffer J.* On what grounds what // Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology / Ed. by R. Wasserman, D. Manley, D. Chalmers. Oxford, England: Oxford University Press, 2009. P. 347–383.

20. *Sider T.* Ontological realism // *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology* / Ed. by R. Wasserman, D. Manley, D. Chalmers. Oxford, England: Oxford University Press, 2009. P. 384–423.

21. *Sider T.* *The Tools of Metaphysics and the Metaphysics of Science.* Oxford, England; New York, USA: Oxford University Press, 2020.

22. *Sider T.* *Writing the Book of the World.* Oxford, England: Oxford University Press, 2011.

23. *Tahko T.E.* *An Introduction to Metametaphysics.* Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015.

References

1. *Vergauwen, R. & E.N. Ishchenko.* (2018). Problema kvalia: ontologicheskie i epistemologicheskie sledstviya [The qualia-problem: ontological and epistemological consequences]. *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Ser.: Filosofiya* [Bulletin of the Voronezh University. Series: Philosophy], 4, 38–49.

2. *Golik, N.M.* (2010). Problema realnosti nauchnogo znaniya v ramkakh diskussii realizm/antirealizm: vidy nauchnogo realizma [Problem of the reality of scientific knowledge within of discussion realism/antirealism: kinds of scientific realism]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogics], Vol. 10, Iss. 3.

3. *Kruglov, A.N.* (2020). Vozmozhna li fundamentalnaya ontologiya? [Is a fundamental ontology possible?]. In: *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik 2000* [Historical and Philosophical Yearbook 2000], Vol. 35. Moscow, Akvilon Publ., 211–230.

4. *Loux, M.J. & T. Crisp.* (2024). *Metafizika: Sovremennoe vvedenie* [Metaphysics: A Contemporary Introduction]. Moscow, HSE Publ. (In Russ.).

5. *Loginov, E.V.* (2025). Skeptitsizm, Mur, vozmozhnye miry: Intervyu s Devidom Chalmersom [Skepticism, Moore, and possible worlds: Interview with David Chalmers]. *Finikovyy Kompot* [Date Palm Compote]. Forthcoming.

6. *Serkova, V.A.* (2022). Problematika realnosti v filosofii nauki T. Kuna [The problem of reality in the philosophy of science by T. Kuhn]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], Vol. 59, No. 4, 221–236.

7. *Serkova, V. & V. Lobastova.* (2022). Problematika realnosti v sovremennykh antirealisticheskikh filosofskikh teoriyakh (kriticheskiy obzor) [The problematics of reality in contemporary anti-realist philosophical theories (critical review)]. *Horizon. Fenomenologicheskie issledovaniya* [Horizon. Phenomenological Research], 11 (2), 666–688.

8. *Balaguer, M.* (2025). Realism and anti-realism about metaphysics. In: E.N. Zalta & U. Nodelman (Eds.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2025 edition). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/entries/realism-about-metaphysics/>.

9. *Chalmers, D.J.* (2009). Ontological anti-realism. In: R. Wasserman, D. Manley & D. Chalmers (Eds.). *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology.* Oxford, England, Oxford University Press.

10. *Chalmers, D.* (Ed.). (2012). *Constructing the World.* Oxford, Oxford University Press.

11. *Fine, K.* (2009). The question of ontology. In: R. Wasserman, D. Manley & D. Chalmers (Eds.). *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford, England, Oxford University Press, 157–177.
12. *Fine, K.* (2001). The question of realism. *Philosophers' Imprint*, 1, 1–30.
13. *Hirsch, E.* (2010). *Quantifier Variance and Realism: Essays in Metaontology*. New York, US, Oxford University Press.
14. *Inwagen, P., van.* (1998). Meta-ontology. *Erkenntnis*, 48 (2-3), 233–250.
15. *Khleutzos, D.* (2001). Challenges to metaphysical realism. In: E.N. Zalta (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2021 edition). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/realism-sem-challenge/>.
16. *Wasserman, R., D. Manley & D. Chalmers* (Eds.). (2009). *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford, England, Oxford University Press.
17. *Quine, W.V.* (1948). On what there is. *The Review of Metaphysics*, Vol. 2, No. 5, 21–38.
18. *Quine, W.V.O.* (1951). Two dogmas of empiricism. *Philosophical Review*, 60 (1), 20–43.
19. *Schaffer, J.* (2009). On what grounds what. In: R. Wasserman, D. Manley & D. Chalmers (Eds.). *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford, England, Oxford University Press, 347–383.
20. *Sider, T.* (2009). Ontological realism. In: R. Wasserman, D. Manley & D. Chalmers (Eds.). *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford, England, Oxford University Press, 384–423.
21. *Sider, T.* (2020). *The Tools of Metaphysics and the Metaphysics of Science*. Oxford, England & New York, USA, Oxford University Press.
22. *Sider, T.* (2011). *Writing the Book of the World*. Oxford, England, Oxford University Press.
23. *Tahko, T.E.* (2015). *An Introduction to Metametaphysics*. Cambridge, UK, Cambridge University Press.

Информация об авторе

Черкасов Георгий Владиславович – Институт философии РАН (109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1).
gech.cherkasov@gmail.com

Information about the author

Cherkasov, Georgii Vladislavovich – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (12/1, Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia).
gech.cherkasov@gmail.com

Дата поступления 07.09.2025.
Принята к публикации 10.11.2025.